

Эдуард Тополь

«Стыж»

НА ЛЬДУ

Самые настоящие мальчишки

Эдуард Тополь

«Стрижи» на льду

«АСТ»

2016

УДК 821.161.132
ББК 84(2Рос=рус)644

Тополь Э. В.

«Стрижи» на льду / Э. В. Тополь — «АСТ», 2016 — (Самые настоящие мальчишки)

ISBN 978-5-17-089776-6

Удивительные события, происходящие в повести «„Стрижи“ на льду» Эдуарда Тополя, случились с твоим современником, мальчишкой Егором. Егор был инвалидом и не мог ходить, но после одной мистической встречи жизнь Егора круто поменялась, и он решил: «Я буду ходить!» Сила воли и сила духа помогли Егору, а любовь к хоккею сделала из бывшего инвалида настоящего чемпиона! Повесть «„Стрижи“ на льду» – книга о преодолении, о вере в себя и о большой любви к хоккею. Памяти Ивана Ткаченко, капитана ярославской хоккейной команды «Локомотив», и его команды посвящается. Для среднего школьного возраста. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.132
ББК 84(2Рос=рус)644

ISBN 978-5-17-089776-6

© Тополь Э. В., 2016
© АСТ, 2016

Эдуард Тополь

«Стрижи» на льду

© Тополь Э. В., 2016

© Ил., Мазурин Г. А., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Памяти Ивана Ткаченко, капитана ярославской хоккейной команды «Локомотив», и его команды посвящается

«Ивана всегда легко можно было узнать на льду по особой манере игры и, конечно же, по номеру. Цифру „17“ Ткаченко выбрал не случайно – под таким номером играл легендарный хоккеист Валерий Харламов. Удивительным образом Ваня повторил трагическую судьбу своего кумира, уйдя из жизни на пике популярности...»

Евгений Панин, друг Ивана Ткаченко

Хотя по выходным не нужно идти в школу, Виктор без всякого будильника ещё затемно спрыгивал со своей верхней полки, наспех одевался, хватал ботинки с коньками и клюшку

и выскакивал из квартиры. И уже через десять минут сквозь открытую форточку с улицы доносились громкие крики пацанов, скрип коньков и удары клюшек.

А Егор лежал на своей нижней полке, закинув руки за голову, с открытыми глазами, но видел не днище братниной полки, а вчерашний бой подростковой хоккейной команды «Соколы „Локомотива“» с «Орлятами „Шинника“» – игру, на которой его брат Витя забил «Орлятам» не одну, не две, а три шайбы! Вот это была игра! «Орлята» героически защищались и даже нападали, они забили «Соколам» две шайбы, но в третьем периоде при счёте 2:2 тренер «Соколов» выпустил на лёд Витину тройку «Юрасов – Вышинский – Колобов» и... Когда на последней минуте Витя с подачи Васи Колобова забросил свою третью шайбу, все трибуны в ледовом дворце «Торпедо» просто взорвались восторгом! А после игры не только мама, но даже Катя из 7 «Б» класса поцеловала Виктора! Что с противоположной трибуны видел, конечно, девятиклассник Роман Бугримов, который тоже к Кате неровно дышит...

– Н-да... – тяжело вздохнул Егор. Нужно вставать...

Хотя на двухэтажной подростковой кровати его полка была нижней, но от этого ему не легче. Он на полтора года младше Виктора и на одну ногу несчастней – по словам врачей, у него гемипарез, врождённый паралич левой ноги. Что это такое? Это когда вы не чувствуете свою ногу, а таскаете её, как тяжёлую культю. И с этим надо жить с утра до ночи и с ночи до утра. Круглосуточно.

Сев на постели, Егор спустил на пол правую ногу, а затем двумя руками взял мёртвую, как колода, левую ногу, сдвинул её к краю кровати и уронил вниз. Теперь, чтобы встать, нужно в полутьме достать костыли, прислонённые к стулу, подтянуть их к подмышкам и так, с подвешенной левой ногой, отправиться в туалет. При этом стараться не стучать костылями, чтоб не разбудить мать. Суббота и воскресенье у мамы самые трудные дни, она работает экскурсоводом в краевом музее и по воскресным дням водит по городу туристов, то есть весь день на ногах. Значит, сегодня ей нужно поспать хотя бы до девяти; слава богу, что окно её комнаты выходит не во двор, а на противоположную сторону, на улицу, и ей не слышны эти ранние хоккейные баталии на дворовом катке.

В Ярославле все пацаны помешаны на хоккее, даже Егор был на игре легендарного «Локомотива» с «Буревестником» – но, конечно, давно, до гибели «Локомотива» в авиакатастрофе в сентябре 2011 года. Это был первый настоящий хоккейный матч, который Егор видел живьём, но именно с тех пор над его и Витиной кроватью рядом с портретами Брюса Ли и Джеки Чана появился портрет Ивана Ткаченко, капитана «Локомотива», знаменитого после гибели даже больше, чем при жизни, потому что только после его смерти выяснилось, что он совершенно анонимно, в тайне от всех посылал деньги больным детям...

Спустив воду и выйдя из туалета, Егор вернулся в свою комнату, допрыгал на костылях до окна и лёг грудью на подоконник, чтобы увидеть двор с пятого этажа. А там баталия уже шла во всю! Двенадцати-четырнадцатилетние пацаны лихо носились за шайбой по катку, залитому во дворе совсем недавно, с первыми ноябрьскими морозами. Теперь, дорвавшись до льда, они весело сшибали друг друга, выделяли финты и гремели клюшками.

Найдя глазами брата, Егор ревниво следил за его игрой. Он любил Виктора. Да и как не любить, когда Витек всю жизнь носится с ним, как с писаной торбой! Сызмалу таскал его на руках, как котёнка, учил ходить на костылях и лупил всякого, кто дразнил Егора или отнимал у него игрушки на детской площадке. А про школу и говорить нечего, в школе Витя – его главная опора в прямом и переносном смысле!..

Тёплые материнские руки вдруг обняли Егора сзади, и всей своей спиной, шеей и затылком Егор разом ощутил мягкое блаженство младенчества, когда мама держала его на руках. Но ему уже двенадцать, он не может позволить себе эти нежности!

– Ма, ты чего? – сказал он и попытался высвободиться.

– Доброе утро, – сказала мать, не выпуская его плеч. – Есть хочешь?

– Нет ещё...

Какое-то время они оба смотрели на хоккейную игру и на Виктора, а потом Егор спросил:

– Mam, a ты вообще умеешь на коньках?

Мама усмехнулась:

– Когда-то умела. Даже за институт выступала... – И вдруг её осенило: – Ну-ка, пойдём!

– Куда?

– Вниз, во двор!

– Зачем?

– Пойдём, одевайся! Я сейчас... – и мать метнулась в свою комнату.

Когда они, одетые по-зимнему, спустились во двор, там уже светлело и игра закончилась.

– Витя! – позвала мать. – Поди сюда!

Виктор, потный, разгорячённый и с синяком на лбу, подкатил к ним.

– Ближе, – сказала мать.

– А чего?

Она тронула пальцем его синяк.

– Больно?

Он отмахнулся:

– Не, ничо! – и хотел отъехать к пацанам, обсуждавшим закончившуюся игру.

Но она придержала его за рукав куртки:

– Подожди...

Второй рукой зачерпнула снег из сугроба и приложила к синяку.

– Стой, не дёргайся!

– Ну, ма!..

– Да стой ты! – прикрикнула она и вдруг тихо и совсем другим тоном: – Покатай Егошу.

– Как это? – оторопел Виктор.

– Запросто. Иди сюда. Стань ему со спины.

– Ма, ты чо? – сказал Егор.

Но она уже завела Виктора за спину к Егору и распорядилась:

– Ближе! Плотней! Вот так! А теперь бери его под мышки и ставь себе на ноги! А ты, Гоша, дай мне костыли! Давай! Ты понял, Витя? Покатай его! – И, водрузив младшего сына на ботинки и ноги старшего, распорядилась: – Пошел, Вить! Помалу...

Но Виктор уже и сам ухватил её идею, он в обхват сжал брата под мышками и так, держа его перед собой, как большую куклу, выкатил с ним на каток.

Пацаны, толкая друг друга локтями, удивлённо смолкли.

– Спокойно, – негромко командовал Виктор брату. – Пригнись и правую ногу вперёд! Вместе со мной! Вот так, раскатывай!.. А левой я сам, сам! Вот... А теперь снова правой! Вперёд! Спокойно, не дави! Катим...

И они действительно покатали по катку, а мать кричала им со стороны:

– Хорошо! Быстрее, Витя! Не бойся! Молодцы! Смелей! С ветерком! Давай, давай!

И Виктор понял её, и набрал скорость, и вдруг... вдруг Егор ощутил радость скорости и полёта!

Скорости и полёта!

Скорости и полёта!

И засмеялся от счастья!

Пусть всего одной ногой он помогал брату, но они летели!

Они мчались навстречу восходящему солнцу!

Двое в одном теле и в одном полёте!

И весёлый голос матери летел вместе с ними:

– Быстрее! Ещё быстрее! Браво!..

Конечно, на крутом повороте они оба грохнулись с коньков и, расцепив руки, уже врозь покатались на спинах по льду. Но Егор не чувствовал ушибов – растянувшись на льду, он смотрел в утреннее небо и блаженно улыбался...

* * *

Кухонный нож звонко скрипел о точильный камень.

Егор был настроен решительно, он знал, что делал.

Всю прошедшую неделю он смотрел в Youtube соревнования параолимпийцев. Зачем ему эта дурацкая нога, если он её не чувствует и не может на неё наступить? Параолимпийцы без двух ног бегают на протезах и как бегают! Конечно, врачи отказываются отрезать ему ногу и поставить протез, «не имеем, говорят, права наносить увечье». Зато он имеет право! Это его нога! «Вот если бы, – говорят, – у тебя не было ноги, другое дело! Тебе протез был бы положен»...

Вот и хорошо! Вот и будет мне протез!

Ещё раз проведя ножом по точильному камню, Егор попробовал его острие на ногте. Годится. Теперь для дезинфекции проведём лезвие ножа над огнём газовой конфорки. Хорошо. Теперь поясным ремнём туго перетянем эту чертову ногу, чтобы кровь не вытекла до возвращения Виктора с тренировки. Витя придёт через двадцать минут, увидит всё и вызовет «Скорую», и «Скорая» увезёт Егора до прихода мамы с работы. А в больнице врачи закон-

чат операцию, всё зашьют, и мама узнает всё, когда дело будет сделано. И через пару месяцев он таки получит протез. Конечно, не такой, как у параолимпийцев, на такой протез, он прочёл в Интернете, нужно семнадцать тысяч долларов, но он эти деньги за полгода на бирже зарабатывает, он уже прошёл заочный курс в биржевом университете.

Ещё раз затянув ремень на своей бесчувственной левой ноге, Егор взял в зубы нож, доскачал на костылях из кухни к своей двухэтажной кровати. Здесь уже всё было наготове – и таз, и бинты. Он остановился и невольно встретился взглядом с Иваном Ткаченко, капитаном «Локомотива», своим кумиром и кумиром всех ярославских пацанов. Ах, если бы Иван Леонидович был его отцом! Но нет, Егор давно уже выяснил, что отец бросил их, когда узнал, что его сын родился с ДЦП. То есть сначала отец уговаривал маму отдать новорождённого в детдом, а когда мама отказалась, просто взял и уехал. А через два года оказалось, что у Егора не ДЦП, а всего лишь паралич ноги, но отец уже был далеко, моряком в одесском пароходстве, откуда приходили крохотные алименты...

Вздыхнув, Егор отвёл глаза от Ткаченко, сел на свою кроватную полку, отложил костыли, двумя руками поднял мёртвую ногу на таз, стоявший на стуле, снова проверил затянутый на ноге ремень – не спустился ли, и, как левша, левой рукой с силой грохнул кулаком по мёртвой ноге. И ещё раз! Сильней! Нет, никакой боли нет! Совершенно пустая ватная кулеть!

Теперь успокоить дыхание и сосредоточиться. Эту бесполезную ногу нужно резать решительно и чуть ниже ремня.

– Ну, что? – всё-таки сказал он вслух этой ноге. – Раз ты не слушаешься...

И, репетируя, сам себе показал, как воткнёт нож и тут же резко поведёт его вбок, чтобы резать ногу по всей окружности.

После чего набрал воздух в лёгкие и скомандовал сам себе:

– Раз... Два... Три!

И, что есть сил, воткнул нож в ляжку.

Но вместо рывка ножом вбок вдруг вскрикнул и скорчился от боли, которая пронзила даже позвоночник.

– Ой! – И изумился: – Как?! Мне больно? Не может быть...

Не веря себе, шевельнул ножом и тут же вскрикнул опять:

– Ай!..

Кровь уже хлестала из раны в таз, а он, испуганный и изумлённый, всё не мог выдержать нож из ноги.

– Ты что делаешь??! – крикнул Виктор, возникнув в дверном проеме.

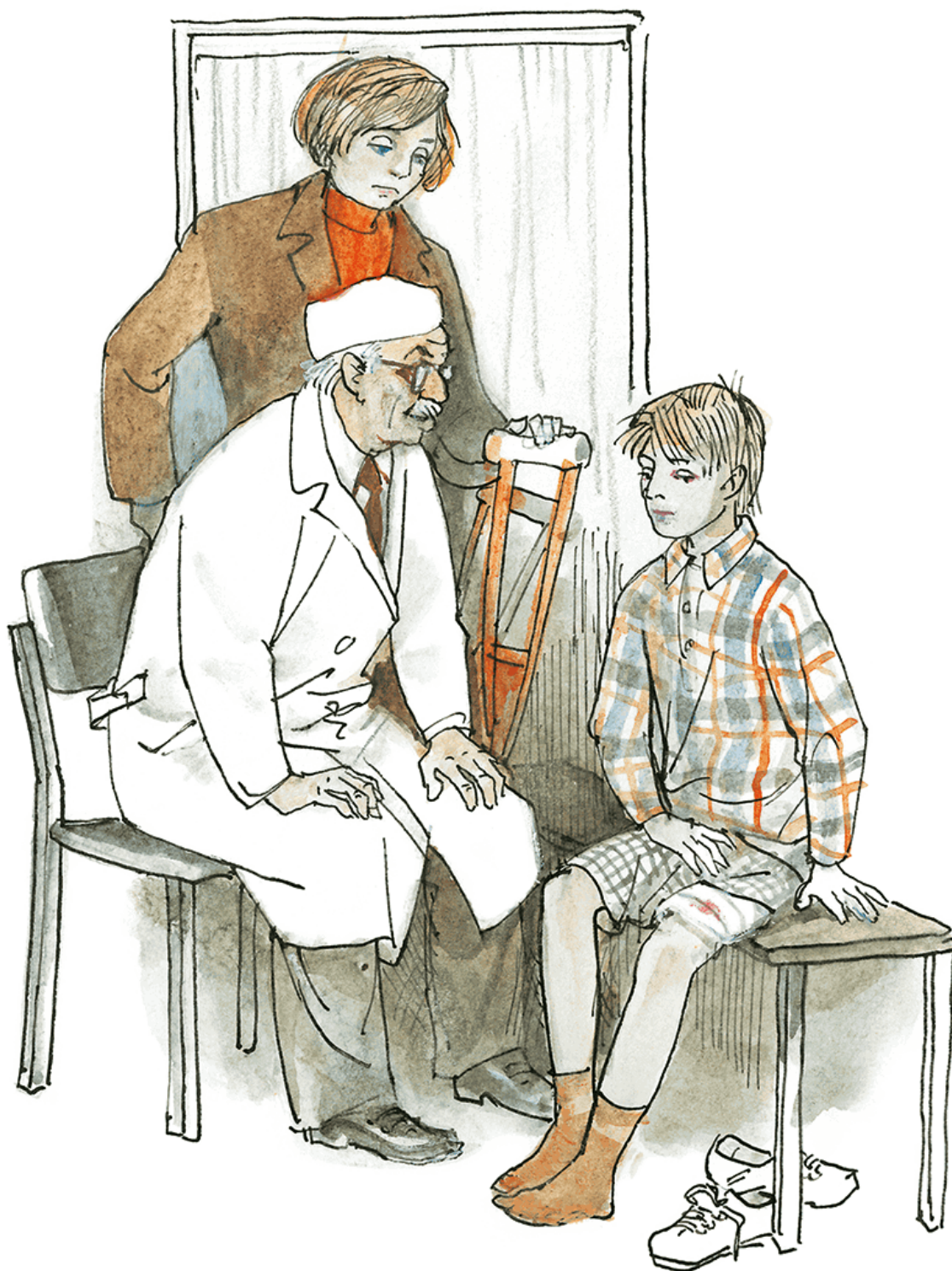
– Витя, мне больно! – радостно сообщил Егор.

* * *

– Ну, ты даёшь! – сказал в больнице врач. – Сепсис мог быть, заражение крови.

Он выписал антибиотики, прописал курс лечения, дал освобождение от школы и сказал матери:

– Ладно, хирургом будет, везите его домой. Гематоген и гранаты – побольше, чтоб кровь восстанавливать. А старый диагноз я отменяю, никакой у него не гемипарез, а паралич на фоне врождённой анемии. Бегать не будет, но шанс оживить эту ногу ещё есть... – И вдруг с силой кольнул иглой Егорову левую пятку.

– Ой! – дёрнулся Егор.

– Вот видите! – сказал доктор матери. – А говорите: «гемипарез»! При гемипарезе мозг отключён от тела...

* * *

Конечно, на гранаты денег у матери не было, зато, приходя с работы, она на радостях стала делать Егору массажи левой ноги, растирания и пропаривания какими-то жгучими травами.

Егор в это время смотрел на YouTube, как Иван Ткаченко виртуозно мчался к воротам и забивал шайбы на чемпионате мира в Швеции, на чемпионатах России, на играх Континентальной хоккейной лиги... Вы умеете пользоваться YouTube? Там выложены десятки эпизодов уникальных прорывов Ткаченко, а также репортажи журналистов с места катастрофы самолёта с командой «Локомотива» и письма детей, которых, как оказалось, спас Иван Леонидович своими деньгами – Катю Петухову из Барнаула, Славу Чистякова из Лампово, Диану Ибрагимову из Воронежа, Андрея Козлова из Выборга, Веронику Быстрову и Сонечку Кореневу из Санкт-Петербурга...

Мама, что есть сил, растирала Егору мёртвую левую ногу, парила и грела её медовыми компрессами, только это нисколько не помогало. Нога не оживала, не слушалась, и ляжка по-прежнему бессильной тряпкой висела на кости.

А во дворе пацаны с утра до ночи гоняли в хоккей. Даже днём, когда Витя и его сверстники были в школе, там с детскими клюшками каталась дворовая малышня.

И как-то вечером, когда Виктор, потный и разгорячённый после очередной хоккейной баталии, ушёл в душ перед сном, Егор снова в упор посмотрел на Ивана Ткаченко и горестно сказал:

– Да, Иван Леонидович... А мне, значит, не играть в хоккей?...

Вздыхнул, сел на свою нижнюю кроватную полку, прислонил костыли к стулу и двумя руками, как обычно, поднял свою мёртвую левую ногу на постель. Тут и Виктор вернулся, забрался на верхнюю полку, и мама пришла проверить, как они оба укрыты. Проведя тёплой ладонью по голове сначала старшего, а потом младшего, она присела на кровать рядом с Егором и негромко произнесла, как обычно:

– О Пресвятая Владычице Дево Богородице, спаси и сохрани под кровом Твоим моих чад Виктора и Егора...

При первых её словах Виктор уже спал – набегавшись и намахавшись клюшкой, он засыпал сразу, как только голова касалась подушки.

А мать продолжала негромко:

– Укрой их ризою Твоего Материнства от стрел демона и сохрани их сердца в ангельской чистоте, умоли Господа моего и Сына Твоего, да дарует им полезное ко спасению их. Аминь.

Перекрестив детей, она поцеловала Егора, выключила свет и тихо ушла.

А Егор лежал в темноте и смотрел на проём окна, светлый от уличного фонаря. Он уже давно знал наизусть материнскую молитву, но его всегда трогали в этой молитве какие-то особые и каждый раз разные интонации, с которыми мама просила Богородицу об их с Витей защите и спасении. Получалось, что днём мать сама защищает их, а ночью передает вахту Пресвятой Богородице, и в глазах Егора это поднимало маму вровень с Пресвятой.

Обычно, на этой мысли Егор засыпал, но на этот раз...

Что это? Нет, этого быть не может!

Но он это видит, он ясно видит, как в светлый проём окна въехал – ну, да! – буквально въехал на коньках Иван Леонидович Ткаченко! Сам! Лично! В своей красной спортивной форме «Локомотива» с номером «17» на рукаве и с клюшкой в руках! Въехал, подкатил по воздуху к стулу с костылями, что стоял рядом с постелью Егора, перенёс эти костыли к окну, а сам сел на освободившийся стул и сказал:

– Привет, Егор. Не спишь?

– Н-нет... – испуганно ответил Егор.

– Очень хорошо. Ты не думай, что это сон. Просто ты мне задал вопрос, и я отвечаю. Хоккей, чтоб ты знал, дело абсолютно добровольное. Кто хочет, тот играет, а кто очень, ну, **очень** хочет, тот даже чемпионом может стать. Только характер нужно иметь. Цель себе поставить и при этом... ну, как тебе сказать? Нужно локомотив иметь внутри себя.

– Но у меня нога... – несмело возразил Егор.

– Нога у тебя живая. Просто ты её двенадцать лет не нагружал и не тренировал. Это нужно компенсировать, понимаешь?

– Ага... – растерянно сказал Егор.

– Но это будет не просто и не легко. Поэтому запомни: ты будешь ходить, бегать, прыгать и даже играть в хоккей только в одном случае. Если сердцем усвоишь заповедь: «По вере вашей и будет вам»! Понимаешь? «По вере вашей»! Это значит, мы можем добиться всего, во что верим! Пусть через боль, через кровь, через «не могу» – главное: верить и побеждать себя! Ты понял?

– Д-да... – негромко выдохнул Егор.

– Можешь повторить?

– Да... Через боль, через кровь, через «не могу» – верить и побеждать...

– Правильно. Ну, если запомнил, то будь здоров, спи.

И с этими словами Иван Ткаченко вышел в окно.

А Егор лежал в полном изумлении, смотрел в опустевший проём окна, повторял про себя: «Через боль, через кровь, через „не могу“» – и не знал: это было ему видение или что?

Так и уснул.

* * *

В школьной столовой был обычный шум, звенели и бились ломкие голоса старшеклассников, стучали подносы и пластиковые стулья, нарочито громко смеялись кокетливые дев-

чонки, звенели мобильные телефоны, и очередь к кассе за сладостями громко обсуждала последние городские и школьные новости.

Егор, чтоб не затолкали, никогда не ходил в столовую один, а всегда дожидался брата в своём 7 «Б» классе или в кабинете истории. Тем паче сегодня, в первый день после вынужденных каникул, когда рана на неживой ноге ещё перевязана пластырем и широким бинтом.

Заняв в столовой очередь к кассе за сладостями (оба брата любили булочки с маком), Витя зашёл за Егором в класс к «историчке», и они пришли в столовую вдвоём. Но когда Виктор усадил Егора за столик и подошёл к голове очереди, оказалось, что его очередь уже прошла.

Он озадаченно почесал в затылке.

– Вообще, я тут занимал... – сказал он всем и никому.

– Дак, конечно, пропустим инвалидов, – громко объявил Костя Зайцев из 8 «А».

Этот Костя, хотя и был почти на голову ниже Виктора, вечно задирает его и вообще всех, кто не входил в группировку девятиклассника Романа Бугримова по кличке Бугор. Вот и теперь, стоя за этим Бугром, Костя смело, как Монморенси в «Трое в лодке, не считая собаки», затевал очередную свару.

Виктор резко повернулся на Костино хамство, и вся очередь тут же смолкла, ожидая, что будет.

Теперь у Виктора, даже если бы он и хотел пропустить удар, выхода не было. Тем более, что в очереди стояла Катя из 7 «Б», которая нравилась Бугримову, из-за чего Костя и провоцировал Виктора.

Поэтому, отложив поднос, Виктор шагнул к Косте:

– Ты чо сказал?

– А чо я сказал? – громко, как в театре, ответил Костя и развёл руками. – Сказал, что инвалиды, а тем паче самострелы, у нас всегда без очереди!

Тут Виктор, конечно, замахнулся, чтоб врезать Косте по полной, но тот уже юркнул за спину Бугра, а Бугор перехватил руку Виктора и ещё толкнул его так, что Виктор отлетел на ближайший столик, за которым обедали четыре семиклассницы. Столик опрокинулся вместе с тарелками, девчонки завизжали, Виктор в бешенстве вскочил и тараном бросился на Бугра. Но Бугор только этого и ждал – он встретил Виктора таким хуком в солнечное сплетение, что Витя согнулся циркулем и рухнул на колени. А Костя высунулся из-за Бугра, заржал от удовольствия, но вдруг замер, расширив от изумления глаза.

Яростно прыгая на костылях, Егор летел на помощь брату.

– Не-ет! – завизжали девчонки. – ИгМат! Директор!

Но Егора уже ничто не могло остановить. Прыгая на костылях, он набрал такую скорость, что, выставив голову вперёд, снарядам влетел бы в Бугра, если бы тот не уклонился. Но Бугор на то и занимался хоккеем в «Буревестнике», чтобы уметь уходить от прямых столкновений и при этом почти незаметно для судей ставить нападающему подножку. Что он и сделал, поддев носком ноги правый, опорный костыль Егора, отчего Егор на полном ходу – и уже под общий хохот – грохнулся лицом в прилавок с бутербродами.

– Прекратить! – распорядился подоспевший ИгМат, Игнат Матвеевич, директор школы, и сказал Виктору и Егору: – Юрасовы, ко мне в кабинет!

* * *

В этот вечер братья долго не могли уснуть. Виктор ворочался с боку на бок, переживая не столько предупреждение директора об исключении из школы, сколько свой позор перед Катей из 7 «Б». А мать сокрушённо меняла лейкопластыри на разбитых лбах и носах старшего и младшего сыновей. Потом, когда мать поцеловала их обоих перед сном, прочла молитву и ушла, и Виктор, наконец, затих на своей верхней полке, Егор тоже закрыл глаза.

И вдруг какой-то не то шорох, не то скрип заставил его испуганно очнуться.

Это сквозь застеклённое, с двойной рамой окно в комнату снова не то влетел, не то въехал на своих коньках Иван Ткаченко.

Егор обалдело заморгал.

А Ткаченко, как ни в чём не бывало, опять переставил костыли Егора от стула к окну, а потом сел на стул и сказал:

– Привет! Ну, что? Начнём тренировку?

Егор потрясённо молчал.

– Не понял, – сказал Ткаченко. – Я же тебе объяснял: это никакой не сон. Ты хочешь играть в хоккей, так?

– Д-да... – запнувшись, произнёс Егор.

– Очень хочешь?

– Д-да...

– Больше всего на свете?

– Да...

– Громче! Не слышу.

– Но это... Витя спит...

– Не бойся. Он не услышит. Встань и скажи: больше всего в жизни я хочу играть в хоккей! Ну? Встаёшь? Или я ухожу. – И Ткаченко сделал движение в сторону окна.

– Нет! – испуганно выдохнул Егор. – Не уходите! Встаю.

И он действительно сел на постели, двумя руками взял свою мёртвую левую ногу и спустил её на пол вслед за правой ногой.

– Ну! – нетерпеливо сказал Иван Леонидович. – Вставай же!

Но костыли, передвинутые Ткаченко, были теперь далеко, у окна, и Егор протянул к ним руки.

– Мои костыли...

– Нет, костыли не нужны, – заявил Ткаченко. – Так вставай! Сам!

– Но я не могу...

– Что значит, не можешь? Если веришь – можешь! Мы же договорись: через боль, через кровь, через «не могу» верить и побеждать себя. Вставай! Ну!

Отжимаясь руками о край кровати, Егор стал осторожно подниматься, по привычке перенеся весь свой вес на здоровую правую ногу.

– Стоп! – категорически сказал Ткаченко. – Вес на обе ноги! Вот так! Да!

И Егор действительно встал на обе ноги.

– Вот видишь! – удовлетворённо сказал Ткаченко. – А теперь скажи: я буду играть в хоккей, потому что хочу этого больше всего на свете! Ну! Я слушаю.

– Я это... – неуверенно произнёс Егор и сглотнул, поражаясь тому, что стоит на обеих ногах. – Я буду играть в хоккей...

– Нет! – перебил Ткаченко. – Так ты никогда не будешь играть в хоккей. Ты же не веришь в то, что говоришь. Но сможешь играть, если скажешь это уверенно, как клятву. Ну, говори!

Егор оглянулся на спящего брата и сказал негромко:

– Да, я буду играть в хоккей, потому что...

– Нет! – рассердившись, снова перебил Ткаченко и даже встал. – Громче! Говори: клянусь, я буду играть в хоккей!..

И вдруг словно что-то проснулось в Егоре, словно выпрямилась какая-то пружина – он сказал твёрдо и даже ожесточённо:

– Да! Да, Иван Леонидович! Я буду играть в хоккей! Буду! Клянусь, я хочу этого больше всего на свете!

– Вот, это другое дело, – удовлетворённо улыбнулся Ткаченко. – Клятва принята. А теперь присядь. До пола присядь, не бойся, у тебя живые ноги.

Егор, уже поверив в волшебство ситуации, начал приседать и... присел! Присел на обе ноги!

– Вот! Молодец! Видишь? – сказал Ткаченко. – Ты поверил, что присядешь – и присел! А теперь встань и иди!

Егор, как зачарованный, выпрямился во весь рост.

– Шагай! – приказал Ткаченко.

Егор, покачнувшись, двинул вперёд здоровую правую ногу.

– Нет! С левой ноги! С левой! – приказал Ткаченко.

И Егор – пошёл! Неуверенно, качаясь, но сделал четыре шага, а когда радостно оглянулся на Ткаченко, того уже не было в комнате. Только голос долетел из окна:

– Запомни: «По вере вашей и будет вам»!..

* * *

Утром Виктор, как всегда по выходным, проснулся ни свет, ни заря, живо спрыгнул с верхней полки и ушёл в ванную.

А Егор, услышав шум воды, открыл глаза. Был тут ночью Ткаченко или всё-таки не был?

Он мысленно дёрнул левую ногу – нет, не поднимается. Он ещё раз приказал ей шевельнуться и спуститься с кровати – бесполезно! Но как же так? Этого не может быть! Ведь ночью он ходил на ней!

Егор снова напрягся весь, каждым живым мускулом своего тела приказывая левой ноге шевельнуться. Даже спину выгнул вверх...

Ничего не вышло!

Значит, Ткаченко – это сон, только сон.

Егор обессилено распластался в постели и опустошённо закрыл глаза.

Тут в комнату вошёл Виктор:

– Егор, ты чего? – сказал в недоумении. – Ты вставал ночью?

– Нет... – горестно ответил Егор. – А в чём дело?

– А почему твои костыли у окна?

Егор медленно, очень медленно повернул голову.

Его костыли действительно стояли у окна – там, куда их ночью поставил Ткаченко.

– Не знаю... – счастливо улыбнулся Егор. – Может, мама переставила.

Витя покачал головой:

– Странно...

И принёс костыли к стулу рядом с кроватью.

* * *

Егор с трудом дождался, когда Витя уйдёт со своими коньками во двор, а мама на работу.

– Ты почему лежишь? Что-то болит? – удивилась она перед уходом. Ведь обычно, в такие воскресные дни, Егор вставал сразу после Виктора. Пользуясь тем, что Витя гоняет во дворе в хоккей, он в одиночку завладевал компьютером и с головой нырял в YouTube, забыв даже о завтраке. А сегодня...

– Нет, нет, всё в порядке. Просто лежу, думаю... – поспешил Егор успокоить мать и даже закинул руки за голову, демонстрируя усиленный мыслительный процесс.

– Ладно, Сократ, думай... – усмехнулась мать. – Завтрак на кухне. Я пошла на работу.

– Удачи! – сказал Егор. – Have a good day.

– You too, – улыбнулась мать, она работала экскурсоводом и поощряла сыновей учить английский.

Но как только Егор услышал стук закрываемой двери, он рывком сел на постели и стал всем корпусом дёргать левую ногу, чтобы она сдвинулась к краю кровати. Однако нога, гадина, не двигалась, и Егор в сердцах хрястнул её изо всех сил кулаком слева! И вдруг почувствовал, что нога отозвалась какой-то слабой болью.

– Ого! – удивился он вслух. – Болишь? А ну-ка ещё! – И стукнул ещё сильнее. И обрадовался: – Ага! Больно? На тебе! На! Ещё!

И с такой силой стал колотить по ноге, что Виктор, неслышно возникший в двери, даже испугался:

– Егор! Ты чо? Опять? Обалдел?

– Иди сюда! – приказал ему Егор. – Иди, иди! Дай руки!

Витя, изумлённый категоричным тоном брата, подошёл, подал ему костыли.

– Нет! На фиг! – отмахнулся от костылей Егор. – Дай руки!

Взяв Витю за обе руки, Егор рывком всего тела сдвинул левую ногу к краю постели и уронил ступнёй на пол.

– Ого! – восхитился Виктор. – Класс!

И снова подал Егору костыли.

– Да подожди ты! Убери! – приказал Егор. – Руки дай!

И, снова взяв брата за руки, стал раскачиваться всем корпусом, собираясь встать.

– Да не тяни! Не тяни меня! – злился он. – Я сам! Понимаешь? Сам должен...

И вдруг – встал!

И, стоя на двух ногах, осторожно отпустил руки брата.

– Я стою... Витька, я стою... – ошарашено шептал он, боясь даже звуком сбить себя с равновесия.

* * *

Вот теперь наступили настоящие испытания. Потому что одно дело совершить разовый подвиг – встать на ноги, или отжаться от пола, или подтянуться на турнике, ну и так далее, а совсем другое – сделать то же самое десять раз, двадцать, тридцать пять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.